

А. Алферовъ и А. Грузинскій.

8(c)
А-53

ДОПЕТРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

и

народная поэзія.

ТЕКСТЫ, ПЕРЕВОДЫ, ПРИМЪЧАНІЯ, СЛОВАРЬ.

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. включена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вним. при пополненіи ученич. библ. среди. учебн. заведеній.

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЯРСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
№ 105367.

Изданіе восьмое.

Съ 14-ю рисунками.

ПРОВЕРЕНО
20.16 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ШКОЛА“.
Москва, Спиридоновка, д. 14.

1916.

Предисловіе къ I-му изданію.

Древне-русская литература теперь въ средней школѣ не въ модѣ.

Говорять, что юношество нужно вводить въ текущую жизнь, что новѣйшая литература даетъ несравненно больше цѣнныхъ мыслей, художественныхъ впечатлѣній, что она больше даетъ и для языка. Говорять, что древняя наша литература важна для спеціалиста-ученаго, а не для подрастающаго поколѣнія, которое прежде всего рвется къ новой жизни и къ злободневнымъ вопросамъ. Говорять, что лучшія мысли нашихъ старыхъ книгъ теперь и для юноши стали уже избыткомъ общимъ мѣстомъ, и не на малограмотныхъ и старомодныхъ домыслахъ людей, давнымъ давно сошедшихъ со сцены, воспитывать, въ самомъ дѣлѣ, молодой умъ и свѣжія чувства вступающаго въ жизнь человека.

А между тѣмъ, едва ли это справедливо. Безспорно, новая литература должна занимать главенствующее положеніе въ средней школѣ, но ополчаться на древнюю литературу можно только по недоразумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, главное основаніе, почему древняя литература должна занимать свое мѣсто въ курсѣ средней школы, вовсе не въ томъ, что она можетъ соперничать съ новой въ богатствѣ мыслей и образовъ, а въ цѣли ея изученія. Никто не станетъ читать «Домостроя», чтобы взять его взгляды, какъ правила собственной жизни,

но его нужно знать, чтобы глубже и сознательнѣе относиться къ многимъ бытовымъ и культурнымъ явленіямъ современности. Если считать исторію культуры нужной для общаго образованія человѣка, то и древнюю нашу литературу, въ главныхъ моментахъ ея развитія, нужно знать каждому, желающему сознательно отнестись къ быту и взглядамъ нашего времени. Самые упреки въ скудости мысли, въ недостатки художественности нашихъ старыхъ книгъ, также едва ли вполне справедливы: ближайшее знакомство съ лучшими сочиненіями, въ которыхъ люди допетровскаго времени своеобразно, сильно и нерѣдко мужественно шли на защиту того, что было для нихъ въ жизни дорогого, дастъ много свѣжихъ жизненныхъ впечатлѣній молодому поколѣнію. Наконецъ, если люди старой Руси смотрѣли на многое въ жизни наивно, узко и съ особыми предразсудками, то исторія того, какъ наше общество и все населеніе освобождалось отъ невѣжества, какихъ усилій стоили ему первые культурные шаги, имѣетъ важное значеніе въ общемъ пониманіи русской образованности.

Можетъ-быть, главное, что отталкивало до сихъ поръ юношество отъ древней литературы, это — незнакомство съ старымъ русскимъ языкомъ, а затѣмъ двойственность задачи, которая ставилась обыкновенно такому курсу. До сихъ поръ предлагалось, изучая древнюю литературу, знакомиться и съ древнимъ русскимъ языкомъ. Нерѣдко бывало, что знакомство съ языкомъ даже заслоняло собою чисто историко-литературныя задачи. Соединеніе этихъ двухъ цѣлей губило дѣло: не достигалась ни та, ни другая задача. Разбросанный и случайный комментарий къ фактамъ языка никогда не былъ въ силахъ хорошо ознакомить съ послѣднимъ, но въ то же время служилъ настоящимъ препятствіемъ для свѣжаго интереса молодежи къ идейной сторонѣ литературы. Такое изученіе нѣсколько

напоминало изученіе у насъ древнихъ классиковъ, когда ученики знали хорошо построеніе періода у Цицерона, но оставались совершенно незнакомы съ его мирозерцаніемъ и съ его ролью въ общественной жизни Рима, съ условіями, вызывавшими его трактаты и рѣчи. Изученіе древне-русскаго языка и древней русскаго литературы—двѣ различныя задачи, и онѣ должны быть раздѣлены. Можетъ-быть, изученіе древняго нашего языка не столько еще разработано въ наукѣ, чтобы стать предметомъ школьнаго курса, но есть уже къ этому попытки, и введеніе этого предмета въ старшемъ классѣ средней школы есть дѣло недалекаго будущаго. Во всякомъ случаѣ, исторія древней русскаго литературы должна преслѣдовать свои собственныя задачи, и подборъ самыхъ текстовъ старинныхъ памятниковъ долженъ быть сдѣланъ въ ея цѣляхъ, а не въ цѣляхъ изученія особенностей стараго русскаго языка.

Эти соображенія и руководили составителями предлагаемой книги.

Выборъ памятниковъ въ ней основанъ на степени ихъ важности съ историко-литературной точки зрѣнія. Тексты старинныхъ сочиненій (до «Домостроя») переведены дословно на современный языкъ, чтобы учащіеся могли безъ помощи учителя знакомиться съ ихъ содержаніемъ. Старинный текстъ данъ рядомъ съ переводомъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы прочесть выбранныя вещи въ подлинникѣ. (Для тѣхъ текстовъ, которые совпадаютъ съ выборомъ Буслаева въ его «Русскаго Хрестоматіи», нами удержано его систематизированное правописаніе, при чемъ приняты были во вниманіе поправки, внесенныя въ 9-е изданіе академикомъ Соболевскимъ; для остальныхъ текстовъ по возможности выдерживалась та же система). Уже изъ оглавленія легко увидать, что въ хрестоматію цѣлый рядъ памятниковъ введенъ впервые; особенно это касается отдѣла

повѣстей и отдѣла народной словесности; что же касается произведеній, обычно включаемыхъ въ такія хрестоматіи, то повсюду, гдѣ памятникъ брался не въ полномъ видѣ, выборъ былъ сдѣланъ спеціально для данной книги. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» большая часть темныхъ мѣстъ опущена; въ чтеніи нѣкоторыхъ словъ и въ интерпункціи принято за руководство изданіе Тихонравова.

Каждому памятнику предпослана руководящая замѣтка, а подъ текстомъ даны примѣчанія, намѣренно краткія, чтобы не разбивать впечатлѣнія. Въ концѣ книги помѣщенъ словарь, который по своему характеру во многихъ случаяхъ можетъ служить замѣною подстрочныхъ примѣчаній.

Вступительныя замѣтки, примѣчанія и словарь составлены А. Грузинскимъ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, составители не считаютъ свою задачу законченной. Предлагаемая хрестоматія есть первый опытъ поставить преподаваніе древней литературы на тотъ путь, который составителямъ представляется наиболѣе желательнымъ. Выпускаемое одновременно 5-е изданіе «Сборника вопросовъ по исторіи русской литературы» тѣхъ же авторовъ можетъ познакомить полнѣе съ тѣми взглядами, которыхъ держатся составители этой книги на общую постановку преподаванія даннаго предмета въ средней школѣ.

Августъ 1906 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Въ новомъ изданіи Хрестоматіи сдѣлапъ рядъ измѣненій, надобность въ которыхъ успѣла выясниться за одинъ учебный годъ, отдѣляющій это изданіе отъ перваго. 1) Принять новый порядокъ размѣщенія матеріала: убѣдившись въ трудности соблюсти точное соотвѣтствіе текстовъ и ихъ переводовъ на лѣвыхъ и правыхъ страницахъ, мы рѣшились отказаться отъ этого порядка. Теперь вся Хрестоматія дѣлится на три части: въ первой помѣщены переводы памятниковъ, кончая Стоглавомъ, во второй — Домострой и другіе памятники, къ которымъ перевода уже не дастся, и въ третьей — подлинныя тексты въ первой части. Всѣ примѣчанія (число ихъ нѣсколько увеличено) приурочены къ переводамъ. 2) Нами совмѣстно проредактированы и во многихъ случаяхъ расширены вводныя статьи. 3) Внесено три новыхъ произведенія: рассказъ Ипатьевской лѣтописи о походѣ Игоря на Половцевъ, мѣста изъ сочиненій протопопа Аввакума и «Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ». Изъ мелкихъ добавленій отмѣтимъ одно, въ Изборникѣ Святослава 1073 г., о необязательности аскетизма и монашества, важное по связи съ религіозными взглядами Вл. Мономаха. 4) Выпущено нѣсколько отрывковъ изъ Паломника Даниила, Начальной лѣтописи (рассказъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ) и изложеніе повѣсти о Брунцвикѣ. 5) Помѣщено 14 рисунковъ, могущихъ по нашему мнѣнію

VIII

дать учащимся нѣсколько наглядныхъ представленій въ области древней литературы. Шесть изъ нихъ касаются внѣшняго вида рукописей №№ 1, 2, 3, 7, 8, 9); здѣсь учащіеся найдутъ образцы почерковъ разнаго времени, миниатюръ, инициаловъ, заставокъ, вязи. Три рисунка (№№ 4, 5, 6) иллюстрируютъ представленія нашихъ предковъ о мірѣ и природѣ. № 10 даетъ лубочную картинку къ повѣсти о Бовѣ. Наконецъ четыре послѣдніе рисунка вносятъ наглядность въ понятіе о народной поэзіи и ея современныхъ носителяхъ — народныхъ пѣвцахъ.

Іюль 1907 г.

Предисловія къ 3—5-му изданіямъ.

Въ послѣдующія изданія вносились лишь незначительныя отдѣльныя исправленія, направленные главнымъ образомъ къ большей ясности изложенія вступительныхъ замѣтокъ.

Октябрь 1908 г. — Мартъ 1911 г.

Предисловіе къ 8-му изданію.

Восьмое изданіе вновь пересмотрѣно и исправлено.

А. Алферовъ. А. Грузинскій.

Октябрь 1915 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стран.

Изборникъ Святослава	3
Слово Θεодосія Печерскаго	8
Начальная лѣтопись	10
Новгородская лѣтопись	31
Ипатьевская и Волынская лѣтопись	32
Хожденіе игумена Даниїла	38
Поученіе Владиміра Мономаха	46
* Слово о полку Игоревѣ	53 - 422
Поученіе Серапіона Владимірскаго	63
Сказаніе о Псковскомъ взятіи	68
Матица Златая	74
Изъ Румянцевскаго Сборника	81
Изъ Азбуковника	83
Стоглавъ	83

II.

Домострой	92
Котошихинъ	105
Сочиненіе Протопопа Аввакума	121
Юліанія Лазаревскаго	137
Девгеніево дѣяніе	145
Бова Королевичъ	150
Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ	160
Повѣсть о Ершѣ Щетинниковѣ	169
Повѣсть о Горѣ-Злочастіи	173
Былины	185
Духовные стихи	263
Сказки	276
Лирическія пѣсни	319
Малорусскія думы	340
Народная драма	349

III.

Подлинныя тексты къ первой части	384
Словарь	447

СКОННБѢ СЛОВО

НСЛОВОБѢОТЪ

БѢ·НБѢЪБѢ

СЛОВОѢСЕБѢ

НСКОННОУ

БѢ·НТѢМЪ ВСАБЪ

ШАѢНБЕЗНЕГОНИ

УЪТОЖЕНЕБЪІСТЬ

НЕЖЕБЪІСТЬѢВЪТО

МЪЖНВОТЪБѢ·Н

Рис. 1. Начало Остромирова Евангелія 1056 г. (Древнѣйшій памятникъ русской письменности. Заглавная буква въ подлинникѣ рисована въ нѣсколько красокъ.)

съ коня. Никто изъ васъ не можетъ ни быть убитъ, ни получить какой-либо вредъ, если не будетъ на то воли Божіей, а если смерть отъ Бога будетъ назначена, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ защитить; если и хорошо — беречься, все же Божіе попеченіе лучше человѣческаго.

9. Слово о полку Игоревѣ.

23.3.25.
11.7.25.

Этотъ замѣчательный памятникъ древне-русской поэзіи былъ найденъ въ рукописномъ сборникѣ, случайно купленномъ въ концѣ XVIII вѣка для любителя старины графа А. И. Мусина-Пушкина въ числѣ другихъ книгъ, принадлежавшихъ Ярославскому архимандриту Іоилу. Сборникъ былъ рѣдокъ по своему составу: въ немъ было восемь произведеній древней свѣтской литературы. Первое извѣстіе о «Словѣ» появилось въ 1797 году за границей на страницахъ Гамбургскаго журнала Spectateur du Nord (октябрь). Присланная изъ Россіи замѣтка сообщала: «Два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, называющейся «Пѣснь Игоревыхъ воиновъ», которую можно сравнить съ лучшими пѣснями Оссіана». Въ 1812 году во время нашествія французовъ Сборникъ сгорѣлъ и до сихъ поръ не удалось найти другого списка Слова о Полку Игоревѣ. Это тѣмъ болѣе огорчительно, что печатное изданіе, которое Мусинъ-Пушкинъ успѣлъ сдѣлать съ своей рукописи въ 1800 году, очень неисправно; рукопись была довольно поздняя (XVI вѣка), съ трудомъ поддавалась чтенію, самый слогъ и языкъ «Слова» были очень своеобразны; поэтому издатель и тѣ, кто ему помогать, дурно справились со своей задачей. Въ результатѣ мы имѣемъ въ «Словѣ» рядъ малопонятныхъ мѣстъ (многія изъ нихъ здѣсь пропущены), въ объясненіи которыхъ ученые часто не сходятся.

Неизвѣстный авторъ «Слова» изобразилъ въ немъ несчастный походъ противъ Половцевъ четырехъ мелкихъ князей изъ Сѣверской области (около Чернигова). Это были: Игорь Новгородъ-Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Рыльскій. Походъ ихъ (1185 г.) описанъ и въ лѣтописи: оттуда видно, что за годъ до того вел. кн. кievскій Святославъ собралъ большое войско и нанесъ сильное пораженіе Половцамъ, привезя въ числѣ плѣнныхъ хана Кюбьяка. Сѣверскіе князья тогда отказались участвовать въ большомъ походѣ, а на будущій годъ задумали воевать отдѣльно. Послѣ первой удачной битвы они были разбиты, и Игорь въ сыномъ попали въ плѣнъ, откуда Игорь удачно бѣжалъ, а Владиміръ вернулся позднѣе, женатый на дочери половецкаго хана Кончака.

Авторъ «Слова» несомнѣнно былъ выдающимся поэтомъ-художникомъ. Онъ далъ рядъ яркихъ картинъ похода, сраженія, степной природы, написанныхъ сжатымъ, поэтическимъ языкомъ, полнымъ образовъ и сравненій, обыкновенно взятыхъ изъ народной поэзіи. Кромѣ того авторъ съ большой силой передаетъ чувства и настроенія дѣйствующихъ лицъ, какъ и свои собственныя. Его личный лиризмъ проникаетъ собою все произведеніе; источникъ этого лиризма — горячая любовь къ родинѣ и сильно развитое общественное сознаніе. Манера изложенія въ «Словѣ»

образы
и
сравн.

кажется отрывистой при полной внутренней связности; авторъ вмѣсто спокойнаго и непрерывнаго разсказа даетъ какъ бы рядъ отдѣльных моментовъ и картинъ. По своимъ поэтическимъ достоинствамъ, по сжатой силѣ и выразительности рѣчи «Слово» стоитъ почти совершенно особнякомъ въ нашей древней литературѣ; къ нему приближаются развѣ только отдѣльныя мѣста въ южныхъ лѣтописяхъ (напр. въ Волынской). Тѣмъ не менѣе, авторъ связанъ и въ художественномъ отношеніи съ своимъ временемъ; объ этомъ говорить не только его близость къ народному творчеству, но и его частыя упоминанія о знаменитомъ его предшественникѣ, пѣвцѣ Боянѣ, который служитъ ему образцомъ, несмотря на заявленное нашимъ авторомъ въ началѣ желаніе писать не такъ, какъ пѣлъ Боянъ. Существуетъ довольно вѣроятное предположеніе, что авторъ «Слова» самъ былъ воиномъ: его восхищеніе звономъ славы въ Кіевѣ, удалю побѣды, живая передача звуковъ битвы, его «веселіе» отъ соколиной охоты; — это все чувства и впечатлѣнія, родныя для воина и чуждыя благочестивому писателю древней Руси. («А мы уже, дружина, жадни веселія»).

Не начать ли намъ, братія, на старинный ладъ разсказъ о бѣдственномъ походѣ Игоря Святославича? Но пусть наша пѣснь начнется по былямъ нашего времени, а не такъ какъ пѣлъ Боянъ. Вѣдь когда вѣщій Боянъ хотѣлъ кого-нибудь воспѣть, его мысль носилась словно сѣрый волкъ по землѣ или сизый орелъ подъ облаками¹). Онъ, говорятъ, помнилъ битвы давнишнихъ временъ и выпускалъ своихъ десять соколовъ на стадо лебедей; на какую лебедь налеталъ соколъ, та первая запѣвала пѣснь въ честь стараго Ярослава или храбраго Мстислава, что зарѣзалъ Редедию передъ полчищами Касоговъ, или прекраснаго Романа Святославича. Но не десять соколовъ, братіе, пускалъ Боянъ на стадо лебедей; это онъ свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, а онѣ и рокотали славу князьямъ.

Начнемъ же, братіе, нашу повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который укрѣпился мыслью, сердце закалилъ въ храброси и, полный воинственной отваги, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Взглянулъ Игорь на солнце и увидалъ, что отъ него идетъ тьма и покрываетъ его войско²). И сказалъ онъ дру-

¹) Характеристика «замышлений» Бояна показываетъ, что въ творествѣ Бояна нашего автора особенно поражаютъ свободный полетъ воображенія. Однимъ изъ приемовъ Бояна, повидимому, была, какъ говорится въ «Словѣ», привычка пользоваться прошлымъ при изображеніи настоящаго («свивать оба полы сего времени»). Нашъ авторъ не прочь подражать въ этомъ Бояну; въ повѣсть свою онъ хочетъ захватить эпоху «отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», и далѣе онъ не разъ упоминаетъ о прошломъ.

²) Рѣчь идетъ о солнечномъ затменіи, которое предвѣщало бѣду. Это затменіе описано и въ лѣтописи. Слово очень образно и вѣрно передаетъ впечатлѣ-

В структуре «Слова» соблюдается принцип троякости.

Каждая часть распадается на звенья

Как разбирали Мерзиков
Как совмещали изреченья Лермонтова и Чехова

Зачем
Вспоминание

Ср

Различные
виды
автора
стиль
творчества
(Разные
записки)

отриц.
сравн.

жинѣ своей: «Братья и дружина! А все же лучше быть убитыми, чѣмъ взятыми въ плѣнъ. Сядемъ, братья на своихъ борзыхъ коней и поѣдемъ посмотрѣть на синій Донъ». «Хочу,—говорилъ онъ,—поломать копій на дальней окраинѣ степей половецкихъ; пусть я сложу съ вами, русскіе, свою голову, а хочется мнѣ напиться шлемомъ изъ Дона»¹).

Э
Э

Э

О Боянъ, соловей стараго времени! Вотъ тебѣ бы воспѣть это войско, носясь мыслями, какъ соловей по дереву, летая умомъ подъ облаками, соединяя, о соловей, въ своихъ пѣсняхъ обѣ половины времени (прошлое съ настоящимъ). Слѣдуя по тропѣ Бояновой, черезъ поля на горы вотъ какъ надобно было бы воспѣвать Игоря:

«Не буря занесла соколовъ въ широкія степи; галки стаями бѣгутъ къ великому Дону».

Или вотъ какъ надо бы запѣть, о вѣщій Боянъ, внукъ Велеса: «Кони ржутъ за Сулой, звенить слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ»²).

Ср

Искри

Стоять знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь, оба мы съ тобой Святославичи! Сѣдай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы, впереди у Курска. А Куряне мои — умѣлые воины: подъ звуки трубъ спеленуты; дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены, сами они скачутъ, словно сѣрые волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы».

Вотъ, князь Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ въ степь. Солнце тьмою заграждало ему путь; ночь стонала грозой и перебудила птицъ, звѣри кричали... Съ вершины дерева кричитъ дивъ, и крикъ его разносится по всей чужой землѣ, по Волгѣ и Поморію и по Сулѣ, до Су-рожа, Корсуня и Тматорокани. А половцы цѣликомъ по степи бѣгутъ къ великому Дону: скрипятъ ночью ихъ телѣги, словно вспугнутые лебеди. Игорь ведетъ войско къ Дону...

тлѣніе отъ затменія солнца: во время солнечнаго затменія весь небосклонъ часто остается довольно свѣтелъ, почти какъ днемъ; одно солнце, среди этого дневнаго неба, виситъ темнымъ пятномъ и кажется источникомъ зловѣщей тьмы, покрывающей землю.

¹) Значить — воевать на Дону. Подобныя обозначенія нерѣдки; ср. выше Вольнская лѣтопись.

²) Авторъ, вспомнивъ про Бояна, пробуетъ начать въ его стилѣ двумя Бояновскими размѣрами: первая проба — длинными стихами, вторая — болѣе живымъ, короткимъ складомъ, при чемъ вторая проба незамѣтно переходитъ у него въ продолженіе его разсказа (рѣчь Всеволода). Все описаніе Курской дружины выдержано (въ подлинникѣ) во второмъ Бояновскомъ размѣрѣ съ дактилическими окончаніями каждаго стиха.

Небольшой
свои
дружине
Искри

Воскрес

Ср.

Солнце
вспер
двигаетъ
лодки

Иттица, убога, иудави, деревца,

▲ Амурское произведение: Амурская дружина

||

Китайскихъ вѣстий:
беда, обида, маневры

часть

(маленький
рассказъ о
походе
Игоря)

Сравни.

и А.
Вспоминаніе
къ
в
поход.

▲ Образы дружескихъ боевъ

князей: Всеволод

Менши
Художество
Гараме-
решимой
князю:

Беликій князь Всеволодъ! Развѣ нѣтъ у тебя и въ мысляхъ прилетѣть издалека и постеречь отцовскій золотой престолъ: ты вѣдь можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами; если бы ты былъ здѣсь, то плѣнница стоила бы только ногату, а плѣнникъ — одну рѣзану...¹⁾. Вы, ярые Рюрикъ и Давидъ! Не плавали ли ваши золоченые шлемы въ крови? Не ваша ли храбрая дружина кричитъ, какъ туры, раненая калеными саблями въ безвѣстной степи? Вступите въ золотыя стремяна за теперешнюю обиду, за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича²⁾.

Галицкій Ярославъ Осьмомысль! Ты высоко сидишь на своемъ златокованомъ престолѣ, своими желѣзными полками упираешься въ Венгерскія горы, заступая путь королю, преграждая дорогу по Дунаю, творя судъ и расправу до Дуная. Страхъ передъ тобой распространяется кругомъ; ты пропускаешь къ Кіеву, кого хочешь, ты пускаешь стрѣлы съ отцовскаго золотого престола черезъ земли султановъ. Стрѣлай же, о господинъ, поганаго раба Кончака за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича!³⁾.

А вы, храбрые Романъ⁴⁾ и Мстиславъ! отважная мысль влечетъ васъ на подвиги: вы высоко парите на крыльяхъ мужества, какъ соколъ ширяетъ въ воздухъ, собираясь ударить птицу. У васъ желѣзныя брони и латинскіе шлемы; отъ нихъ потерпѣли многія страны... Литва, Ятвяги и Половцы побросали свои копыя и склонили головы подъ ваши булатные мечи...

Слышится голосъ Ярославны; одинокой кукушкой кричитъ она рано утромъ: «Полечу я кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ и утру кровавыя раны моего князя».

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

¹⁾ Здѣсь авторъ мысленно обращается къ Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу по прозванію Большое Гнѣздо.

²⁾ Рюрикъ и Давидъ, внуки Мстислава Великаго, правнуки Владиміра Мономаха.

³⁾ Галицкій князь Ярославъ былъ извѣстенъ умомъ и энергіей, его боялись всѣ сосѣди. Онъ былъ отецъ Ефросиніи, второй жены Игоря, выведенной ниже въ «Словѣ» подъ именемъ просто «Ярославны».

⁴⁾ Романъ Мстиславичъ, Волынской князь, о которомъ упоминается здѣсь, извѣстенъ въ кжыхъ лѣтописяхъ, какъ воинственный и храбрый князь, именемъ котораго половцы пугали своихъ дѣтей; лѣтопись сравниваетъ его съ львомъ, туромъ и орломъ и говоритъ, что онъ уподоблялся предку своему Влад. Мономаху. (См. выше отрывокъ изъ Волынской лѣтописи).

образ

1.

2-3.

4.

5-6.

Ф

4811

III часть.

А. Князь Ярославъ (образъ похвальной песни). (Литературная и историческая записка).

«О вѣтеръ, вѣтеръ! зачѣмъ ты такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты на своихъ легкихъ крыльяхъ несешь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять подъ облаками и лелѣять корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты развѣялъ мою радость по ковылю?»

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая:

«О Днѣпръ славный! ты пробилъ каменные горы сквозь половецкую землю, ты лелѣялъ на себѣ Святославовы ладьи до войска Кобыяка: принеси ко мнѣ моего милаго, чтобы я не посылала къ нему на море слезъ на зарѣ».

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

«Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и прекрасно: зачѣмъ ты простерло свои знойные лучи на воиновъ моего милаго? Въ безводной степи отъ жажды у нихъ луки согнулись, а отъ тоски колчаны сомкнулись»¹⁾).

Б. Въ полночь море зашумѣло, нашли тучи, стало темно: князю Игорю Богъ указываетъ путь изъ половецкой земли на Русь къ отцовскому золотому престолу²⁾. Погасла вечерняя заря; Игорь спитъ — нѣтъ, не спитъ, онъ мысленно мѣритъ степь отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь Овлуръ свиснулъ коня за рѣкой, давая этимъ знакъ князю... Стукнула земля, зашумѣла трава, задвигались половецкіе шатры. А Игорь скакнулъ горностаемъ въ камышъ и бѣлымъ гоголемъ на воду; вскочилъ на борзаго коня, потомъ соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ и побѣжалъ къ луку Донца и соколомъ полетѣлъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину. Игорь соко-

¹⁾ Чутье поэта сказывается въ томъ, что авторъ, мысленно обратившись къ цѣлому ряду князей съ горячимъ воззваніемъ вступить за обиду сего времени, за рану Игоря, въ концѣ-концовъ спасеніе своего героя поставилъ въ ближайшую связь съ сильнымъ душевнымъ порывомъ и тоской самаго близкаго Игорю существа. Ея причитанье и заклинаніе стихій, т.-е. обращеніе къ чудеснымъ силамъ природы имѣли слѣдствіемъ чудесное спасеніе Игоря изъ плѣна. Какъ бы повинуюсь волшебной силѣ заклинанія, вся природа далѣе помогаетъ бѣгству; встаетъ туманъ, идутъ тучи — это Богъ Игорю путь кажетъ на родину; рѣка Донецъ о немъ заботится, птицы тоже участвуютъ въ его возвращеніи. Въ заклинаніи Ярославны требуютъ поясненія ея упреки солнцу: по лѣтописи мы знаемъ, что во время послѣдней битвы, длившейся больше двухъ сутокъ, половцы отрѣзали русскихъ отъ воды, и они изнемогали отъ жажды и пали духомъ («изнемогли бо ся бяху безводьемъ, кони и люди, въ зноѣ и въ тузѣ»). Эти страданія и этотъ упадокъ духа Ярославны и передаетъ здѣсь образной рѣчью, справедливо видя ихъ причину въ горячихъ лучахъ степного солнца.

²⁾ Разсказъ о бѣгствѣ Игоря совпадаетъ съ лѣтописью и поясняется послѣднимъ. См. выше Ипатьевскую лѣтопись.

Заклинанье-
мислив-
какъ
настигъ
(наши-
сама
в
конце
1187г.

Бегство
Игоря

ср.

помъ полетѣль, а Влуръ волкомъ побѣжалъ, стряхивая по дорогѣ холодную росу: они надорвали своихъ борзыхъ коней.

Донецъ сказалъ: «Князь Игорь! не мало тебѣ славы, а Кончаку досады, а русской землѣ веселія». Игорь отвѣчалъ: «О Донецъ! не мало и тебѣ славы за то, что ты лелѣялъ князя на волнахъ своихъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ зеленой сѣнью деревьевъ, стерегъ его, какъ гоголя на водѣ, чаекъ на струяхъ и утокъ на воздухѣ»¹).

сп.
Женихъ Владимира
То не сороки затрещали: по слѣду Игореву ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не кричали... дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ указываютъ, соловьи веселыми пѣснями возвѣщаютъ разсвѣтъ. И сказалъ Гзакъ Кончаку «Коли соколъ къ гнѣзду летитъ, мы соколенка разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами». Кончакъ отвѣтилъ Гзѣ: «Нѣтъ, если соколъ летитъ къ гнѣзду, мы соколенка опутаемъ красною дѣвицей». Гзакъ сказалъ Кончаку. «Если мы его опутаемъ красной дѣвицей, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ насъ птицы бить въ половецкой степи»²).

сп.
Сказалъ Боянъ: «Тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ, худо тебѣ, тѣло, безъ головы». Такъ и русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небѣ, Игорь князь въ русской землѣ. На Дунаѣ поютъ дѣвицы, голоса ихъ несутся черезъ море до Кіева; Игорь ѣдетъ по Боричеву ко св. Богородицѣ Пирогощей; страны рады, города веселы.

Аминь
схоро
Спѣвъ пѣсню старымъ князьямъ, надо пѣть и молодымъ: «Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина въ борьбѣ за христіанъ съ погаными полчищами! слава князьямъ и дружинѣ» Аминь³).

¹) Разговоръ съ рѣкой очень нерѣдко встрѣчается въ народной поэзіи: герои былинь и пѣсень, приходя къ рѣкѣ, дѣлятся съ ней своими чувствами или просятъ пропустить на другую сторону; и рѣка открываетъ свои броды и мосты или даже понижаетъ свою глубину для спасенія какого-нибудь бѣглеца (въ одной пѣснѣ рѣка, по просьбѣ спасающейся изъ плѣна героини, «становится по женскимъ перебродичамъ»). Но помимо пѣсенной традиціи обращеніе Игоря къ Донцу здѣсь вполне понятно психологически: Игорь въ теченіе нѣсколькихъ дней шелъ берегомъ Донца; рѣка указывала ему направление бѣгства въ степи, онъ спалъ на ея берегахъ, укрывался отъ зноя въ тѣни прибрежныхъ кустовъ и деревьевъ, питался дичью, живущей при рѣкѣ: онъ долженъ былъ реально почувствовать, что многимъ обязанъ Донцу.

²) Разговоръ Гзака съ Кончакомъ ведется въ чисто народномъ стилѣ загадокъ. Соколенокъ, т.-е. Владиміръ Игоревичъ, дѣйствительно былъ «опутанъ красной дѣвицей»: черезъ два года онъ вернулся, женатый на Кончакѣ и съ ребенкомъ.

³) «Аминь» прибавленъ къ поэмѣ вѣроятно, позднѣе, какъ обычное слово, которымъ заключался трудъ переписчика.

24.3.25.
13.7.25.

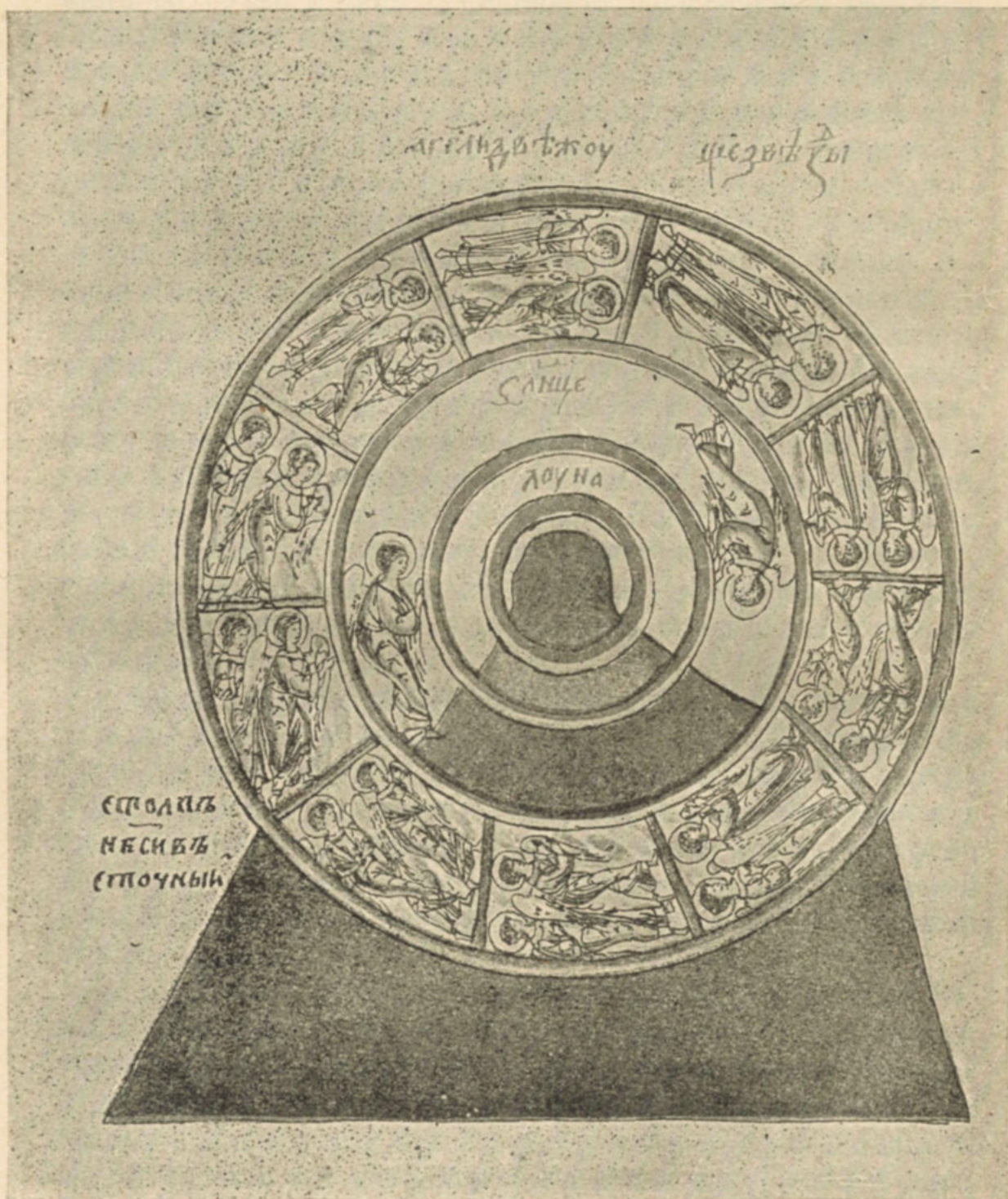

Рис. 4. Вращеніе небесныхъ свѣтилъ по Козьмѣ Индикоплову. (Изъ рукописи XVI в.; объясненіе см. въ вступленіи къ «Матицѣ Златой», стр. 74.)

Сиди мѣць гонити в зѣрь
 збоомый дѣвѣтѣ волѣ

Дикій волѣ шестъ великѣ вѣдѣ въскіи . сеажі до птмоо .
 А птнего же естѣ вренкома пѣдѣ а . ёю азе керасѣ пѣдѣ а ,
 , на ѣи ѡ блотіи на дѣвѣ напо лѣхуѣ . рѣша же ,
 , ѡ не мѣдѣ а ко аще трѣи мѣтѣ сѣдѣ древо ісѣ ,
 , хуо естѣ ау . не по дѣи г не стѣ а мо ,
 , с то и тѣ . пѣдѣ а ко и мѣ а по ,
 , гѣ вѣ и птн а ласѣ дѣ и нѣ рѣи ,
 , не го . прече е при хуо дѣ ,
 , до машнѣ и нѣи ѡ птнѣ ,
 , на ѣо пѣ хуо естѣ а ,
 , и пѣ о гѣ а вѣ жѣ и ,
 , а се го хуо естѣ а ,
 , по го дѣ вѣ бѣ и ,
 , та ко по е ,
 , с тѣ по е ,
 , ко пѣдѣ ,
 , на ,
 , г .

Рис. 6. Дикій волѣ изъ Козьмы Индикоплова (см. выше, стр. 83).